

Политическая лингвистика. 2023. № 1 (97).
Political Linguistics. 2023. No 1 (97).

УДК 81'27:39
ББК Ш100.63+Ш121
doi: 10.26170/1999-2629_2023_01_03

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.63

Код ВАК 5.9.8 (10.02.19)

Вячеслав Исаевич Теркулов¹, Татьяна Юльевна Тамерьян²

¹ Донецкий национальный университет, Донецк, ДНР, Россия, terkulov@rambler.ru, Researcher ID: K-3087-2018, <https://orcid.org/0000-0002-0418-4260>

² Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова, Владикавказ, Россия, tamertu@mail.ru, Researcher ID: E-4565-2014, Scopus Author ID: 57110384400, <https://orcid.org/0000-0003-0532-2538>

Языковая идентификация и идентичность

АННОТАЦИЯ. В работе рассматривается соотношение понятий этноса, нации и языка на примере языковой политики на Украине, выявляются понятийное содержание и функциональные позиции языковой идентификации и идентичности в процессе этнической идентификации. Материалом для исследования послужили данные фонда «Общественное мнение», Института Гэллага, Института социологии Национальной академии Украины и Киевского международного института социологии о распространении и функциональном распределении русского и украинского языков в областных центрах Украины. Исследование осуществляется в опоре на лингвистический, социологический, психологический и сравнительный подходы к описанию языковой ситуации и языковой политики на Украине. Авторами детерминируются психологические, биологические, социологические и языковые факторы, оказывающие влияние на процесс этнической идентификации. Определяются модели пропаганды проукраинской самоидентификации. Приводятся данные об исторической целостности этнической территории современной Украины и выводится относительная неологичность этнонима «украинец» в современном понимании, появившегося в результате конвергенции российских малороссов и польских русинов.

Одним из значимых выводов исследования является обоснование идеологичности как ведущего критерия построения концепта родного языка в текущий период приверженцами «украинства» на основе ложного фрейма «родной язык — язык этноса», когда полностью нивелируются статистические данные о преобладании русских как базовой этнической группы. Фиксируются факты применения стратегии социолингвистического программирования и тактики унитарности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: языковая идентификация, языковая идентичность, языковая политика, языковая ситуация, этнолингвистика, этносы, этноним, украинский язык, русский язык, социально-культурные факторы, лингвокультурология.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Теркулов Вячеслав Исаевич, доктор филологических наук, профессор, профессор, заведующий кафедрой русского языка, Донецкий национальный университет; 283001, Российская Федерация, Донецкая Народная Республика, Донецк, ул. Университетская, д. 24; email: terkulov@rambler.ru.

Тамерьян Татьяна Юльевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков для неязыковых специальностей, факультет международных отношений, Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова; 362026, Российская Федерация, Владикавказ, ул. Ватутина, 44-46; email: tamertu@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Теркулов, В. И. Языковая идентификация и идентичность / В. И. Теркулов, Т. Ю. Тамерьян. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2023. — № 1 (97). — С. 27-34. — DOI: 10.26170/1999-2629_2023_01_03.

Vyacheslav I. Terkulov¹, Tat'yana Yu. Tamer'yan²

¹ Donetsk National University, Donetsk, DNR, Russia, terkulov@rambler.ru, Researcher ID: K-3087-2018, <https://orcid.org/0000-0002-0418-4260>

² Khetagurov North Ossetian State University, Vladikavkaz, Russia, tamertu@mail.ru, Researcher ID: E-4565-2014, Scopus Author ID: 57110384400, <https://orcid.org/0000-0003-0532-2538>

Language Identification and Identity

ABSTRACT. The paper examines the correlation of the concepts of ethnos, nation, and language on the example of the language policy in Ukraine and explores the conceptual content and functional positions of language identification and identity in the process of ethnic identification. The research material includes the data provided by the Public Opinion Foundation, the American Institute of Public Opinion, the Institute of Sociology of the National Academy of Ukraine and the Kiev International Institute of Sociology on the spread and functional distribution of the Russian and Ukrainian languages in the regional centers of Ukraine. The research is based on linguistic, sociological, psychological and comparative approaches to the description of the language situation and language policy in Ukraine. The authors determine the psychological, biological, sociological and linguistic factors that influence the process of ethnic identification and describe the models of propaganda of pro-Ukrainian self-identification. The authors provide information about the historical integrity of the modern Ukraine ethnic territory and demonstrate the illogical nature of the relatively new ethnonym "Ukrainian" in its contemporary interpretation, which appeared as a result of the convergence of Malorossy and Polish Rusyns.

One of the significant conclusions of the study consists in the definition of ideological nature as the leading criterion for constructing the native language concept nowadays by the adherents of "Ukrainism" based on the false frame "native lan-

guage is the language of the ethnoses”, which completely rejects the statistical data on the predominance of the Russians as the basic ethnic group. The study records some facts of the application of the strategy of sociolinguistic programming and the tactics of unitarity.

KEYWORDS: *language identification, language identity, language policy, language situation, ethnolinguistics, ethnoses, ethnonym, Ukrainian language, Russian language, socio-cultural factors, linguoculturology.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Terkulov Vyacheslav Isaevich, Doctor of Philology, Professor, Head of the Russian Language Department, Donetsk National University, Donetsk, Russian Federation, Donetsk People's Republic.*

Tamer'yan Tat'yana Yul'evna, Doctor of Philology, Professor of Department of Foreign Languages for Non-Linguistic Specialties, Faculty of International Relations, North Ossetian State University, Vladikavkaz, Russian Federation.

FOR CITATION: *Terkulov V. I., Tamer'yan T. Yu. (2023). Language Identification and Identity. In Political Linguistics. No 1 (97), pp. 27-34. (In Russ.). DOI: 10.26170/1999-2629_2023_01_03.*

ВВЕДЕНИЕ

Проблема языковой, этнической, политической, культурной идентификации и идентичности является сейчас особенно актуальной в связи с событиями на Украине. В украинском социуме, как показало наше исследование, происходит навязывание украинской идентичности, процесс, который мы обозначаем термином «навязываемая идентификация». Сразу определим, что «идентичность — это особое психическое состояние (устойчивое переживание) индивида, а идентификация и идентифицирование — это процесс его достижения, осознанный или неосознанный поиск индивидом оснований для этого состояния» [Мазур 2012: 88]. **Актуальность** нашего исследования определяется необходимостью выявления базовых оснований всех типов идентичности и идентификации для формирования тактик борьбы с «фейками» актуальной информационной войны.

Цель предлагаемой статьи состоит в определении места языковой идентификации и идентичности в процессе этнической идентификации на примере действий идеологов украинства, обеспечивающих украинскую этническую идентичность.

Проблемам языковой идентификации и идентичности посвящено большое количество работ, в которых именно этот тип идентификации признается движущей силой для формирования национального самосознания. И. Г. Фихте еще в 1806 г. в «Речах к немецкой нации» утверждал, что определяющей особенностью нации является язык. С разных сторон рассматривали языковую идентификацию и языковую идентичность В. И. Беликов, К. Я. Зачесов, Г. Х. Ибрагимов, В. Иванишин, Д. Кристал, Л. П. Крысин, Я. Радевич-Винницкий, Е. С. Снитко и многие другие.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В результате исследования:

– установлено, что именно языковая идентификация является основой этнической идентификации личности;

– определены базовые модели языковой идентификации личности;

– установлены особенности функционирования русского и украинского языков как родных на территории Украины;

– выявлены модели навязывания идентичности на Украине путем определения родного языка как языка этноса и социолингвистического программирования.

ОБСУЖДЕНИЕ

Под этнической идентификацией понимается «психологический процесс отождествления индивидом себя с этнической общностью, позволяющий ему усвоить важные стереотипы поведения, требования к основным культурным ролям» [Тавадов 2011: 127]. Вполне очевидно, что у такого отождествления должны быть какие-то объективные основания. К ним обычно относят, с одной стороны, условно «биологические», а с другой — социально-культурные факторы.

Биологическим фактором считают так называемое «кровное» определение личности: «Этническая принадлежность человека предопределяется фактором „крови“ путем биологического наследования от родителей» [Тавадов 2011: 127]. В современном обществе, в частности на Украине, использование этого фактора для этнической идентификации затруднено: очень часто дети рождаются в смешанных семьях, что не позволяет определить их однозначную «кровную» идентичность. Дело осложняется тем, что формирование украинского самосознания, по крайней мере языкового, осуществлялось только в начале XX столетия в результате конвергенции малороссийского и западного русинского (рутенского) самосознаний (см. об этом [Теркулов 2022]), что ставит под сомнение «глубинность» кровной этнической идентификации украинцев. Поэтому, вероятнее всего, именно социально-культурные факторы следует считать основой для этнической самоидентификации.

Социально-культурными факторами являются «традиционные и устойчивые культурные ценности», к которым «относятся,

прежде всего, язык, обычаи, религия и др.» [Хотинец 2002: 30]. Это этноним (самоназвание), происхождение и историческое прошлое членов этноса, этническая территория, язык, религия, культура, национальная одежда, пища, жилище, обычаи, обряды, традиции, народное творчество, сказки, песни, предания, национальная литература и профессиональное искусство, антропологические признаки и этнопсихологические особенности, экономика, представляющие элементы различных подсистем или сфер этнической культуры [см.: Мкртумян 1978: 44]. Следует сказать, что в ситуации с украинским самосознанием не все указанные факторы являются убедительными верификаторами.

Этноним «украинец» получил свое современное значение, скорее всего, в начале XX в., став маркером конвергенции двух близких, но не тождественных народов — российских малороссов и польских русинов (рутенев), что свидетельствует о крайне позднем начале процесса идентификации украинцев со всеми вытекающими отсюда последствиями, в частности в плане сложностей осознания общности происхождения и исторического прошлого данного этноса (жители Центра и Востока, в том числе отделившегося, Украины осознают свое отличие не только в истории, но и в менталитете от жителей Западной Украины).

О цельности этнической территории также сложно говорить, поскольку большая часть современной Украины создавалась либо Российской империей (см. созданные российскими императорами Херсон, Одессу, Александровск и др.), либо Польшей (Тернополь, Ивано-Франковск и т. д.).

На всей территории Украины превалирует православная религия (исключение — ряд униатских анклавов на Западной Украине), что полностью совпадает с религиозным пространством России.

Говорить о существовании современной «оперативной» украинской культуры как о чем-то кардинально отличающемся от русской культуры также не приходится: современные люди в большинстве своем не осознают себя связанными с традиционными украинскими (малороссийскими и рутенскими) обычаями, обрядами, традициями, народным творчеством, сказками, песнями, преданиями и т. д., которые воспринимаются ими как анахронизмы.

Единственным объективным фактором этнической идентификации является язык: украинца от русского может отличить только то, какой язык признается им родным — украинский или русский. Некоторые исследователи вообще утверждают, что нация — это

именно «языковое сообщество» [Касьянов 1999: 261]. В связи с этим для украинских идеологов особую важность приобретает «продвижение» украинского языка, поскольку оно мотивирует, с одной стороны, формирование особой украинской этнической идентификации, а с другой — избавление от идентификации русской. Всё это очень ёмко было сформулировано в свое время В. Ющенко, который в одном из своих выступлений сказал: «Необходимо осознать, что Украина — это государство с одним языком». Необходимо только доказать, что для тех людей, которые определяются как украинцы, родным языком является именно украинский язык.

Понятие «родной язык» — сложное для определения. Можно выделить три главных дефиниции:

1. Родной язык — материнский язык, т. е. язык, «который ребенок усвоил в процессе биологического отчуждения от матери и перехода к социальному общению с ней (и с другими окружающими его людьми)» [Шахнарович 1991: 17].

2. Родной язык — функционально первый язык, т. е. язык, которым индивид «владеет с максимальной глубиной и полнотой, на котором легче, быстрее и проще ему мыслится, который является для него наиболее привычной и удобной формой выражения мысли и языкового общения» [Ибрагимов 1990: 9].

3. Родной язык — «язык нации, язык предков, который связывает человека с его народом, с предыдущими поколениями, их духовным миром» [Иванишин 1994: 121].

Если говорить о первом определении, следует, на наш взгляд, согласиться с Х. З. Багировым и З. У. Блягоз, которые утверждали: «При определении родного языка надо исходить из конкретной ситуации, так как язык — явление не биологическое, он не наследуется от родителей, а относится к явлению общественному, социальному. Поэтому при одноязычной ситуации родной язык будет единственным. Однако будет ли он совпадать с языком матери или окружающей среды будет зависеть от окружающих социально-исторических условий жизнедеятельности человека» [Багировов 2012: 12].

Можно отметить три ситуации соотношения «материнский — функционально первый — этнический язык».

1. Материнский язык = функционально первому языку = языку нации — идеальная ситуация, когда, например, для украинца материнский и функционально первый язык является языком этноса, с которым он себя отождествляет.

2. Материнский язык ≠ функционально первому языку ≠ языку нации — ситуация, когда, например, украинец использует в качестве функционально первого языка язык чужой нации, который не совпадает с материнским языком. Это возможно тогда, когда, например, этот украинец становится «обрусевшим», «полонизированным» и т. д.

3. Материнский язык = функционально первому языку ≠ языку нации — ситуация, когда материнский язык и функционально первый язык не совпадает с языком той нации, к которой, например, украинец себя причисляет. Например, в его семье говорили на русском языке, его функционально первый язык — русский. Однако в этом случае возникает вопрос, на каком основании данного индивида относят к украинцам. Повторим: не существует никаких культурных, антропологических оснований для различия русского и украинца. Если это различие не подкреплено языковым различием, оно является фикцией.

Как видим, во всех указанных случаях в основе определения родного языка лежит всё-таки фактор функционально первого языка.

Ситуация с распространением украинского языка как функционально первого на

Украине достаточно сложна. Данные различных исследований показывают преобладание русского языка в целом ряде регионов Украины. Например, по данным фонда «Общественное мнение», в 2002 г. в областных центрах Украины 75 % населения общалось на русском языке (и только 9 % — на украинском)¹, по данным Института Гэллага 2008 г., 83 % граждан Украины предпочитают использовать при опросах анкеты не на украинском, а на русском языке [Russian Language 2008]. Согласно данным Института социологии НАУ, русский язык признают родным около трети населения Украины, и это совпадает с данными переписи 2001 г. (см. ниже), а использует в семье (в том числе наряду с украинским) более 50 % [Панина 2005: 68]. Киевским международным институтом социологии была создана карта, которая отмечает распространение русского как функционально первого языка (рис. 1).

Ситуация не изменилась и в последние годы. В 2019 г. был проведен пятый муниципальный опрос на Украине, который показал следующую картину использования русского языка как языка общения в семье [П'яте всеукраїнське муніципальне опитування 2019: 259] (рис. 2).

¹ <http://www.demoscope.ru/weekly/2002/059/panorama01.php#13>.

Рис. 1. Русский язык как функционально первый

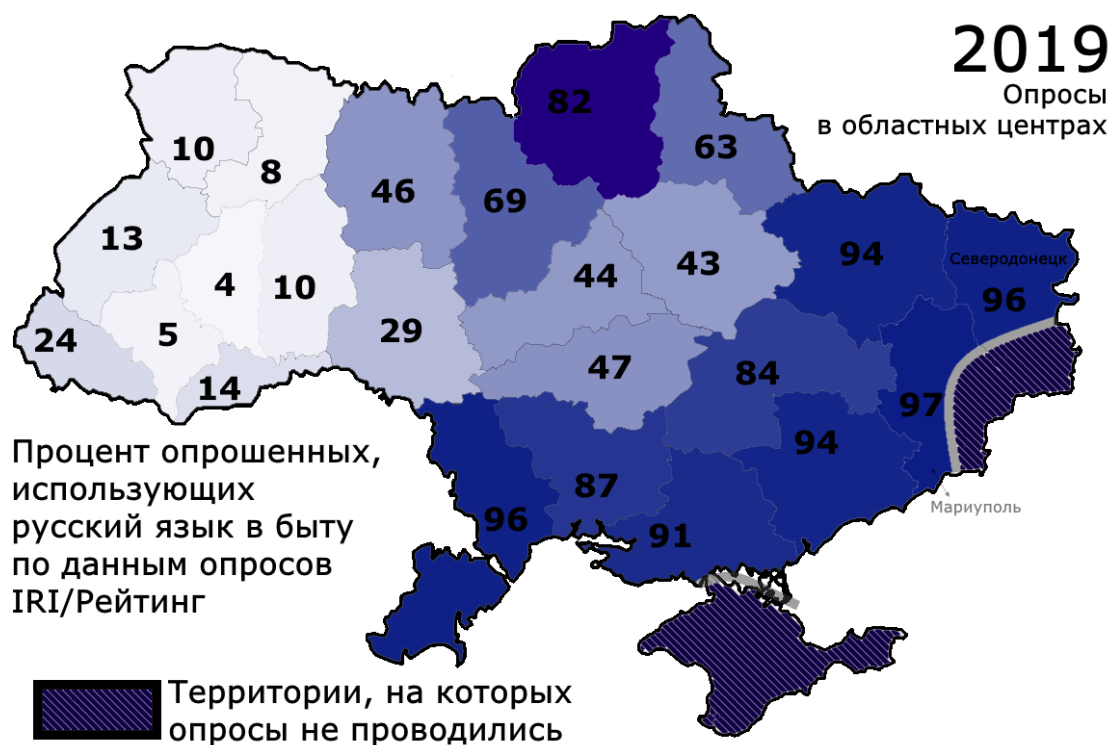

Рис. 2. Русский язык как язык семейного общения

Такая ситуация ставит под сомнение факт доминантной роли украинского языка и украинского этноса. В связи с этим на Украине при определении родного языка стал использоваться фрейм «украинский язык — язык этноса». Благодаря этому украинский язык стал родным для людей, представляющих вторую и третью ситуации соотношения «материнский — функционально первый — этнический язык». Об основаниях такой ситуации писал, в частности, Юко Симэки: «Категория родного языка выбирается произвольно под влиянием идеологических склонностей» [Юко Симэки 2010: 40]. Данный фрейм использовался, например, при всеукраинской переписи, благодаря которой удалось снизить количество людей, для которых русский язык является родным, до 29,6 % от всего количества опрошенных.

В связи с этим возник вопрос обоснования разрыва данных между количеством признавших украинский язык родным и количеством людей, использующих его в качестве функционально первого языка. Для этого используется тезис о «русификации» народа Украины. Правда, в этом случае становятся необъяснимыми некоторые факты из истории внедрения украинского языка, например, в языковое пространство Донбасса, где в 20-е годы XX в. активно проводилась политика не русификации, а именно украинизации. В. Корнилов в своей книге «Донецко-Криворожская республика. Расстрелянная мечта» пишет по этому поводу: «В 1921 году

в Донецкой губернии насчитывалось аж 5 украинских школ (при 2250 русских). К началу 1923 г. их число возросло до семи. А вот с этого времени началась тотальная украинизация образования! Наркомпрос УССР издал приказ с начала 1923–24 учебного года украинизировать в течение трёх лет 680 школ в губернии! При этом, как это было принято в годы первых пятилеток, все надо было „выполнять и перевыполнять“. Поэтому уже к 1 апреля 1924 года при начальном плане 106 украинских школ таковых в Донбассе было открыто 156! Понятно, что большей частью — за счёт закрытия русских школ. К концу 1924–25 учебного года было украинизировано уже 648 школ губернии (при плане — 636). Только за первый учебный год украинизации (1923–24 гг.) число учеников украинских школ в Донецкой губернии выросло на 866 %, за 1924–25 г. — ещё на 415 %. Такие резкие темпы украинизации образования, само собой, сопровождались серьезными проблемами. Главная из них — тот факт, что сами учителя Донбасса мовой не владели. Скорострельные курсы по украинизации, которые обязали пройти всех учителей, лишь в общих чертах давали представление о правилах мовы, которые практически еще и не были кодифицированы. Учительница из Славянска Н. Тарасова в своем письме от 1928 г. так рисовала ситуацию в Донбассе: „В школах идет двойная трата времени в связи с украинизацией — учитель сначала проводит беседу с учени-

ками по-украински, а потом по-русски, чтобы дети лучше поняли». К пику украинизации ситуация в образовании Донбасса стала просто-таки катастрофической. На 1 декабря 1932 г. из 2239 школ Донбасса 1760 (78,6 %) были украинскими, а ещё 207 (9,3 %) — украинско-русскими. Русскоязычное образование в крае было фактически разгромлено и запрещено. Ситуация дошла до того, что, скажем, в русскоязычной Макеевке в 1932–33 учебном году в начальных школах не осталось ни одного русского класса. К 1933 г. в Донбассе были закрыты все русские педагогические техникумы — русскоязычных учителей негде было готовить. Не более 26 % этнически русских учеников края могли учиться в русских школах. В январе 1934 г. на 2-й Донецкой областной партконференции председатель облпрофсовета Масленко (видимо, тот который Павел Федорович) заявил, что в области **„не менее 40 тысяч детей были принудительно украинизированы“** (выделено нами. — В. Т.)» [Корнилов 2017: 544–545].

Главная задача украинского политикума сейчас — принудить граждан украинского государства «переучиться на украинский». Для формирования идеи необходимости перехода от украинского родного языка как языка этноса к украинскому родному языку как функционально первому языку создается целый ряд тактик социолингвистического программирования, описанных в [Теркулов 2020].

1. Тактика унитарности. Украинскому обществу навязывается идея, что в государстве должен быть один государственный язык. Это, конечно же, противоречит даже европейской практике. В Европе 43 государства официально признаны большинством членом ООН. Конституционно закрепленное общегосударственное многоязычие отмечается в 12 странах Европы, например в Бельгии (французский и голландский), на Кипре (греческий и турецкий) и т. д. В 7 странах из 12 второй язык — это язык «другого государства», который функционирует на всей территории многоязычной страны наряду с языком титульной нации. Такова ситуация в Финляндии, где наряду с титульным финским используется шведский язык, в Ирландии (ирландский и английский), на Мальте (мальтийский и английский), в Северной Македонии (македонский и албанский) и т. д. В ряде стран принят официальный язык провинции, т. е. другой язык, который не является общегосударственным официальным языком, но используется в определенных территориальных образованиях. Например, в Италии в провинции Валле-д’Аоста итальянский и французский языки имеют официально рав-

ные права, точно так же, как в Трентино — Альто-Адидже — итальянский и немецкий; в Великобритании официальный статус имеют шотландский (в Шотландии) и валлийский (в Уэльсе) языки, в Испании — валенсийский (в Валенсии), баскский (в Стране Басков), каталанский (в Каталонии), галисийский (в Галисии) языки и т. д. Таких государств в Европе — 5, в том числе и Россия, в которой представлено более 20 официальных языков субъектов Федерации. Кроме того, в 19 странах Европы в соответствии с Европейской хартией региональных или миноритарных языков определенные права представляются тем или иным языкам национальных меньшинств в местах их компактного проживания. Например, в Германии в Бранденбурге в «области нижнелужицкого языка» определенные функции закреплены за нижнелужицким, а в Саксонии — за верхнелужицким языком. Таким образом, в 36 из 43 стран Европы языковой вопрос решается в пользу национальных меньшинств.

2. Тактика мести. «Русские всегда боролись с украинским языком, поэтому мы должны бороться с русским языком». При этом забывается то, что украинский язык всецело поддерживался, например, в Советском Союзе: в русскоязычном Донцке издавался целый ряд периодических изданий на украинском языке, в книжных магазинах большая часть художественной литературы была на украинском языке, украинский язык изучался в школах и вузах. На украинское отделение филологического факультета ДонГУ набиралось ежегодно по 50 человек. Пропагандистами используются зачастую непроверенные и тенденциозно интерпретированные факты. Например, в концепте книги «Мова про мову» читаем: «1627 рік. Указом царя московського Олексія Михайловича та його батька патріарха Філарета звелено було книги українського друку зібрати і на пожежах спалити із суворою заборонаю будь-коли в майбутньому купувати українські книги. Так, у Москві спалено ‘Учительное евангеліє’ Транквіліона-Ставровецького разом з іншими його книгами та ‘Катехизис’ Лаврентія Зизанія Тустановського» [Марійчук 2013]. Здесь, мягко говоря, факты несколько искажены. Например, «Учительное евангелие» Транквиллиона-Ставровецкого было сожжено не потому, что было написано на украинском языке, которого тогда, в общем-то, и не существовало: книга написана на простой мове, отнесение которой к украинскому языку крайне проблематично — это западнорусский литературный язык. Дело тут в ином. Кирилл Транквиллион-Ставровецкий был обвинен не в написании книг на украин-

ском языке, а в ереси. На Киевском соборе в 1625 г. было принято постановление (не сохранилось, но на него есть ссылки), согласно которому «Евангелие учительное» было осуждено как противоречащее православному вероучению. Были даже изданы книги, посвященные обоснованию этого: «Прения с „Евангелием учительным“ Кирилла Транквиллиона-Ставровецкого» и «Свиток укоризнен Кириллу Транквиллиону-Ставроецкому». К укоризнам отнесли:

- неправославный подход к демонологии, в частности, представление о диаволе как о «биче Божиим», о служении диавола Богу, о наказании людей только демонами, а не как о Божиим пощении и др.;
- натурализм при описании ада, диавола и бесов;
- симпатия к католикам, которых он в своем сочинении часто упоминает наряду с православными («нас с римляны, греков и русь купно, сочетовае»);
- превознесение Петра над другими апостолами.
- использование католических апокрифов («то взято от латинских книг, а не греческих богословцев»);
- симпатии к иудаизму.

Евангелие учительное действительно было сожжено, но с другой формулировкой: «На Москве и во всех городах „Евангелия учительные“ и иные книги его Кириллова слогу собрати и на пожарах сжечь, **чтоб и ересь и смута в мире не была**» (Акты Московского государства. СПб., 1890. Т. 1. С. 311).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, единственным объективным показателем этнической идентичности является родной язык, выступающий в качестве функционально первого языка индивида. На Украине преобладает русский язык, что свидетельствует в пользу преобладания русских как базовой этнической группы данной страны. Идеологи украинства подменяют понятия: вместо функционально первого языка при этнической / языковой идентификации используется фрейм «родной язык — язык этноса». Для обоснования распространности в качестве функционально первого языка русского языка используется тезис «русификации». При этом осознается необходимость перевода украинского языка в статус функционально первого. Для воздействия на население Украины в этом деле осуществляется социолингвистическое программирование, имеющее в своей основе в первую очередь тактики унитарности и мести.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Багираков, Х. З. К вопросу о понятиях «Родной язык» и «Неродной язык» / Х. З. Багираков, З. У. Блягоз. — Текст : непосредственный // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. — 2012. — № 2. — С. 130–133.
2. Ибрагимов, Г. Х. О понятии «родной язык» / Г. Х. Ибрагимов, К. Я. Зачесов. — Текст : непосредственный // Русский язык в национальной школе. — 1990. — № 8. — С. 10–15.
3. Іванишин, В. Мова і нація / В. Іванишин, Я. Радевич-Винницький. — Дрогобич, 1994. — 235 с. — Текст : непосредственный.
4. Касьянов, Г. В. Теорії нації та націоналізму / Г. В. Касьянов. — Киев : Либідь, 1999. — 351 с. — Текст : непосредственный.
5. Корнилов, В. В. Донецко-Криворожская республика. Расстрелянная мечта / В. В. Корнилов. — Москва : [б. и.], 2017. — 576 с. — Текст : непосредственный.
6. Марійчук, К. І. Концепт книги «Мова про мову». — 2013. — URL: <https://svitua.org/vlasnadumka/item> (дата обращения: 18.01.2023). — Текст : непосредственный.
7. Мазур, Е. Ю. Проблема соотношения понятий «Идентичность», «Идентификация» и их психологическое содержание / Е. Ю. Мазур. — Текст : непосредственный // Мир науки, культуры, образования. — 2012. — № 2. — С. 86–90.
8. Мкртумян, Ю. И. Основные компоненты культуры этноса / Ю. И. Мкртумян. — Текст : непосредственный // Методологические проблемы исследования этнических культур. — Ереван : Изд-во АН АрмССР, 1978. — С. 42–46.
9. Паніна, Н. В. Українське суспільство 1994–2005: соціологічний моніторинг / Н. В. Паніна. — Київ : ТОВ «Видавництво Софія», 2005. — 160 с. — Текст : непосредственный.
10. П'яте всеукраїнське муніципальне опитування 6 вересня — 10 жовтня 2019. — URL: https://ratinggroup.ua/files/rating_group/reg_files/fifth_municipal_survey_september_2019_ua_final_12-5-2019.pdf (дата обращения: 18.01.2023). — Текст : электронный.
11. Тавадов, Г. Т. Этнология : современный словарь-справочник / Г. Т. Тавадов. — Москва : Диалог культур, 2007. — 702 с. — Текст : непосредственный.
12. Теркулов, В. И. Украинский язык: время возникновения / В. И. Теркулов. — Текст : непосредственный // Семантика и функционирование языковых единиц в славянских языках. — Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2022. — С. 31–44.
13. Теркулов, В. И. Социолингвистическое программирование: современные формы борьбы с русским языком и русской ментальностью / В. И. Теркулов. — Текст : непосредственный // Медиа-технологии в условиях изменяющегося мира: тренды, проблемы, прогнозы : сборник трудов. — Ставрополь : Изд-во СКФУ, 2020. — С. 17–23.
14. Хотинец, В. Ю. Этническая идентичность и толерантность / В. Ю. Хотинец. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. — 124 с. — Текст : непосредственный.
15. Шахнарович, А. М. Родной язык: онтогенетический подход / А. М. Шахнарович. — Текст : непосредственный // Русский язык в СССР. — 1991. — № 7. — С. 16–18.
16. Юко, Симэки. Русский язык в Украине: анализ факторов, связанных с использованием русского языка и отношением к русскому языку двуязычного населения / Юко Симэки. — Текст : непосредственный // Россия и русские глазами инославянских народов: язык, литература, культура. — 2010. — 1. — № 3 / Slavic Research Center, Hokkaido University, Japan. — С. 35–65.
17. Russian Language Enjoying a Boost in Post-Soviet States. — URL: <https://news.gallup.com/poll/109228/RussianLanguage-Enjoying-BoostPostSoviet-States.aspx> (date of access: 18.01.2023). — Text : electronic.

REFERENCES

1. Bagirokov, H. Z., & Bliagoz, Z. U. (2012). K voprosu o ponyatiyakh «Rodnoy yazyk» i «Nerodnoy yazyk» [On the question of the concepts of “Native language” and “Non-native language”]. *Bulletin of the Adygea State University. Series 2: Philology and Art History*, 130–133. (In Russ.)
2. Ibragimov, G. H. (1990). O ponyatii “rodnoy yazyk” [On the concept of “native language”]. *Russian language in the national school*, 8, 10–15. (In Russ.)

3. Ivanishin, V. (1994). *Mova i natsiya* [Language and nation]. Drogobich, 235 p. (In Ukr.)
4. Kasyanov, G. V. (1999). *Teorii natsii ta natsionalizmu* [Theory of nationalism]. Kiev, 351 p. (In Ukr.)
5. Kornilov, V. V. (2017). *Donetsko-Krivorozhskaya respublika. Rasstrelyannaya mechta* [Donetsk-Krivoy Rog Republic. Shot dream]. Moscow, 576 p. (In Russ.)
6. Mariychuk, K. I. (2013). *Kontsept knigi «Mova pro movu»* [The concept of the book “Speech about language”]. Retrieved from <https://svitua.org/vlasnadumka/item> (In Russ.)
7. Mazur, E.Y. (2012). Problema sootnosheniya ponyatiy «Identichnost'», «Identifikatsiya» i ikh psikhologicheskoe sodержanie [The problem of the correlation of the concepts of “Identity”, “Identification” and their psychological content]. *The world of science, culture, education*, 2, 86–90. (In Russ.)
8. Mkrtumyan, Yu. I. (1978). Osnovnye komponenty kul'tury etnosa [The main components of the culture of the ethnos]. *Methodological problems of ethnic cultures research*. Yerevan: Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR, 42–46. (In Russ.)
9. Panina, N. V. (2005). *Ukrains'ke suspil'stvo 1994–2005: sotsiologichnyi monitoring* [Ukrainian society 1994–2005: sociological monitoring]. Kiiv: TOV «Vidavnistvo Sofiya», 160 p. (In Ukr.)
10. *P'yate vseukrains'ke munitsipal'ne opituvannya 6 veresnya — 10 zhovtnya 2019* [The fifth All-Ukrainian municipal survey September 6 — October 10, 2019]. Retrieved from https://ratinggroup.ua/files/ratinggroup/reg_files/fifth_municipal_survey_september_2019_ua_final_12-5-2019.pdf (In Ukr.)
11. Tavador, G. T. (2007). *Etnologiya : sovremennyy slovar'-spravochnik* [Ethnology: a modern dictionary-reference]. Moscow: Dialogue of Cultures, 702 p. (In Russ.)
12. Terkulov, V. I. (2022). Ukrainiy yazyk: vremya vznikenoveniya [The Ukrainian language: the time of its origin]. *Semantics and functioning of linguistic units in Slavic languages*. Volgograd: Volga Publishing House, 31–44. (In Russ.)
13. Terkulov, V. I. (2020). Sotsiolingvisticheskoe programmirovaniye: sovremennyye formy bor'by s russkim yazykom i russkoy mental'nost'yu [Sociolinguistic programming: modern forms of struggle with the Russian language and Russian mentality]. In *Media technologies in a changing world: trends, problems, forecasts: a collection of works* (pp. 17–23). Stavropol: NCFU Publishing House. (In Russ.)
14. Khotinets, V. Yu. (2002). *Eticheskaya identichnost' i tolerantnost'* [Ethnic identity and tolerance]. Yekaterinburg: Ural Publishing House, 124 p. (In Russ.)
15. Shakhnarovich, A. M. (1991). Rodnoy yazyk: ontogeneticheskyy podkhod [Native language: an ontogenetic approach]. *Russian language in the USSR*, 7, 16–18. Moscow. (In Russ.)
16. Yuko, Simeki. (2010). Russkiy yazyk v Ukraine: analiz faktorov, svyazannykh s ispol'zovaniem russkogo yazyka i otnosheniy k russkomu yazyku dvuyazychnogo naseleniya [Russian language in Ukraine: Russian language usage and the attitude of the bilingual population to the Russian language analysis]. In *Russia and Russians through the Eyes of Non-Slavic Peoples: Language, Literature, Culture* (Iss. 1, 3, pp. 35–65). Center for Slavic Studies, Hokkaido University, Japan. (In Russ.)
17. *The Russian language is in great demand in the post-Soviet states*. Retrieved from <https://news.gallup.com/poll/109228/RussianLanguage-Enjoying-BoostPostSoviet-States.aspx> (In Engl.)